

**Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak
«W poszukiwaniu sensu. O prozie
Siergieja Dowłatowa». Wrocław:
Wydawnictwo Uniwersytetu
Wrocławskiego, 2014. 305 s.**

**(Эльжбета Тышковска-Каспшак
«В поисках смысла. О прозе
Сергея Довлатова». Вроцлав:
Изд-во Вроцлавского ун-та,
2014. 305 с.)**

Книга польского русиста из Института славянской филологии Вроцлавского университета Эльжбеты Тышковска-Каспшак посвящена творчеству Сергея Довлатова. Несмотря на то, что отечественное довлатоведение, сформировавшееся на протяжении последних двадцати лет, обогатилось множеством исследований, посвящённых литературному наследию писателя (научные статьи, комментарии к текстам, монографии, диссертации), оно как объект рецепции и интерпретации и сегодня остаётся в центре внимания российских и зарубежных учёных. Работа Эльжбеты Тышковска-Каспшак «В поисках смысла. О прозе Сергея Довлатова» вызывает интерес прежде всего выбором предмета изучения — обращением к феномену абсурда, осмыслением его идеологических и структурных решений в прозе автора.

Исследователь выявляет особенности мировосприятия героя довлатовских произведений, находит в нем экзистенциальные черты. Персонажей Довлатова, по наблюдению автора книги, объединяет ощущение трагизма существования, ощущение хаоса в миропорядке и в их собственной жизни, одиночества в мире, который воспринимается ими как чужой, непонятный, — всё то, что присуще экзистенциалистскому мироощущению.

Книга состоит из трёх частей, которые в свою очередь подразделяются на главы. Во введении представлен обзор литературоведческих и критических

работ о творчестве Довлатова: устанавливается связь наиболее дискуссионных вопросов с исследованием литературных традиций, типа героя, специфики комизма и жанровых особенностей произведений, освещается степень изученности проблемы абсурда в художественном мире писателя. В двух последующих главах рассматриваются теория абсурда, история термина «абсурд» и различные его толкования (как эстетическая категория, как понятие логики и как философское понятие). В XX веке в теории эстетики выделяется два типа абсурда: лингвистический и экзистенциальный.

Исследователь подчёркивает, что XX век стал периодом наиболее интенсивного развития поэтики абсурда, пика популярности абсурдизм достиг в рамках многих направлений и течений в русской литературе. Усматривая продолжение традиций обэриутов, в особенности Хармса и Введенского, в произведениях современных авторов, использующих приёмы декомпозиции, буффонады, неожиданных поворотов действия, отсутствия причинно-следственных связей между событиями, она выделяет стратегии интертекстуальности в постмодернистском творчестве.

Во второй части книги («Homo absurdus») рассматривается присущая мировосприятию героев прозы Довлатова экзистенциалистская рефлексия.

В первой главе выявляется связь прозы С. Довлатова с экзистенциалистским миром А. Камю. По словам исследователя, из абсурда, в понимании Камю, вытекает отрицание универсальных этических норм. Рассказчик в произведениях Довлатова приходит к выводу, что добро и зло как универсальные категории не существуют. Отчуждённый герой принимает абсурд как истину действительности. Одинокий и свободный, он несёт эту тяжесть, и в этом заключается мужество его существования.

В главе «Между свободой и случаем» проводятся параллели между проблематикой произведений Довлатова и Ж.-П. Сартра: их общность видится автору книги в отношении писателей к вопросам свободы, случайности, отчуждения. Как и у Сартра, герой Довлатова, переживающий неотступное чувство тревоги, без Божественной поддержки остаётся одиноким в своей свободе. Свобода, понимаемая как возможность внутреннего самоопределения и становление самого себя, является для человека проклятием, поскольку он не находит другой точки опоры, кроме самого себя, а потому вынужден пребывать в постоянном поиске и совершать выбор, никак не отменяющий конечной цели бытия, каковой является смерть. Страх смерти, ощущение потерянности, пессимизм характерны для героев произведений Сартра и Довлатова.

Теме смерти в произведениях Довлатова посвящена следующая глава. Размышления о смерти у него ведут, в сущности, к рефлексии о жизни и её смысле. Исследователь акцентирует внимание на специфике рефлектирующего сознания героя: осознание неотвратимости процесса рождение – жизнь – смерть пробуждает в герое прозы Довлатова пессимистические чувства, однако вечная повторяемость этого явления заставляет с ним смириться.

В первой главе следующей части речь идёт о функции спиртного в произведениях Довлатова: проблема пьянства раскрывается не столько в социальном,

сколько в психологическом и философском аспектах, что убедительно обосновывается анализом текстов писателя. Алкоголь в прозе Довлатова, по словам автора книги, предстаёт прежде всего как средство отключения от невыносимого абсурда реальности и достижения внутреннего комфорта. Водка позволяет герою на какое-то время соединиться с миром, раствориться в действительности. Однако это ощущение фальшивое, так как на самом деле алкоголь отдаляет героя от реальности, отнимает у него возможность контакта с миром.

Во второй главе анализируется рассказ «Иная жизнь» (1984). Идея абсурда, проявляющаяся в отсутствии веры в смысл жизни, эстетически наиболее полно выражена именно в этом рассказе. Используемая писателем стратегия образности характерна для писателей-абсурдистов, создающих картины бытия как «вне-бытия», как реальности, существующей между бытием и небытием. Хаотичная композиция, игра аллюзиями, парадокс и трагикомическое настроение, представленные в этом произведении, напоминают поэтику алогизма у Даниила Хармса. В главе выявляется механизм действия поэтики абсурда: сопоставление абсурда существования и предметности мира, жизни и смерти, смеха и отчаяния создаёт текст с двойным кодированием, в котором первое, внешнее, значение скрывает второе. Как у Хармса, так и у Довлатова суть экзистенциальной коммуникации — это не только ощущение боли и страха, но и преодоление их с помощью смеха.

Третья часть «Ното *ironicus*» посвящена иронии позиции героя-рассказчика в отношении к миру и к себе самому. В первой главе анализируются «ироническая напряжённость» между героем и миром, а также самоироничная позиция рассказчика. Ирония, функционируя в прозе Довлатова как яркий стилистический приём, используется и как творческий принцип.

В следующей главе рассматривается проблема стереотипа как иронического способа восприятия Другого (довлатовский герой представляет национальную точку зрения — автостереотип), а также интертекстуальная ирония. Вызывают интерес рассуждения автора рецензируемой книги о том, что у Довлатова крайне упрощённые и схематичные образы представителей различных национальностей подаются в ироническом ракурсе, поскольку поводом обращения к ним становится высмеивание и переоценка мифов, укоренённых в массовом сознании.

Убедительными представляются и итоговые выводы исследования. В частности, следующее положение: болезненно ощущая абсурд существования, довлатовский герой пытается сохранить чувство нормы и гармонии, и, сознавая невозможность уничтожения абсурда, стремится освоиться в нём. Довлатов лишает своего экзистенциального героя иллюзий и надежды, но одновременно приводит к убеждению, что только свободный от иллюзий человек может обрести равновесие и найти личный смысл существования.

Выход монографии Эльжбеты Тышковска-Каспшак «В поисках смысла. О прозе Сергея Довлатова», несомненно, привлечёт внимание российских довлатоведов, будет способствовать дальнейшему расширению научного поиска.